

Вода как оружие: угрозы водной безопасности Армении

Комментарий Центра АРВАК, 01.12.2025

Аннотация

В статье анализируется возрастающая роль глобального водного кризиса как ключевого, но недооцененного фактора геополитической конфликтности и трансформации в обширном регионе — от Северной Африки до Центральной Азии. Оспаривается примат традиционных факторов (торговые пути, редкоземельные металлы), доказывая, что дефицит пресноводных ресурсов становится ресурсом экзистенциальной значимости, систематически провоцирующим конфликты (Индия–Пакистан, Эфиопия–Египет) и вынуждающим государства к фундаментальным реформам (планы Ирана по переносу столицы). Особое внимание уделяется политике Турции, которая использует свой контроль над истоками Тигра, Евфрата и Куры для «гидродипломатического давления» на Ирак, Сирию, Грузию и Армению. Подробно рассматриваются усилия Азербайджана по созданию пропагандистской и псевдоправовой базы для выдвижения территориальных и водных претензий к Армении (прецедент Сарсангского водохранилища, риторика вокруг озера Севан, рек Арпа и Воротан). В заключении констатируется критическая уязвимость Республики Армения из-за недостаточно эффективного внутреннего администрирования водных ресурсов, что делает ее потенциальным объектом экспансионистских устремлений соседних региональных центров силы.

Ключевые слова: Водный кризис, геополитическая конфликтность, трансграничные реки, Турция, Азербайджан, Иран, водное давление, Севан, гидродипломатия, внешнее балансирование, Аракс, Арпа, Воротан.

Принято считать, что динамика роста конфликтности на обширном пространстве от Магриба до Центральной Азии связана главным образом с новой архитектурой трансконтинентальных торгово-энергетических маршрутов и конкуренцией за их контроль – как между традиционными глобальными центрами силы (США, ЕС, РФ), так и новыми геополитическими и экономическими акторами (Китай, Индия), заявляющими о необходимости переформатирования прежнего миропорядка. Если во второй половине XX века баланс сил и корректировку геополитических раскладов посредством конфликтов на указанном пространстве определяла нефть, то в настоящее время эта роль перешла к мультимодальной логистике, а также в значительной степени – к широкому спектру ископаемых ресурсов, обобщенно именуемых «редкоземельными металлами», ставших важным условием развития мировой постиндустриальной экономики и технологического рывка.

Экспертные анализы, изучающие проблематику наблюдаемой турбулентности названного геополитического пространства и обострения как традиционных, так и новых межгосударственных конфликтов, в основном отталкиваются именно от этих постулированных факторов, что, однако, существенно искажает полную картину причинно-следственных связей в динамике роста напряженности в этом мегарегионе.

Между тем в данном контексте недостаточно внимания привлекает к себе наблюдаемый в регионе дефицит пресноводных ресурсов («водный кризис»), объективно являющийся одной из весомых причин роста конфликтности, а также инструментом влияния и проекции геополитических конфигураций. Нехватка пресноводных ресурсов вызвана как деградацией климатического и экологического фона мегарегиона, так и резким повышением спроса на них ввиду стремительного роста населения его государств, решения ими задач продовольственной безопасности и увеличения промышленных

мощностей. Вода превращается в ресурс экзистенциальной значимости, необходимый не только для развития, но и для выживания государств, а ее нарастающий дефицит систематически генерирует проблемы и споры вокруг квотированного использования трансграничных источников и водоемов.

Достаточно сверить политическую карту региона с его географическим атласом, чтобы зафиксировать практически абсолютное совпадение межгосударственных конфликтных очагов с расположением наиболее значимых пресноводных запасов. Так, многолетний индо-пакистанский конфликт, помимо традиционной политической и конфессиональной вражды, питается также систематическими спорами вокруг лимитирования водозабора в верховьях бассейна реки Инд [1]. Аналогичная проблема наблюдается в турецко-иракских отношениях: стороны до настоящего момента не могут определить четкий и взаимоприемлемый регламент пользования водами Тигра и Евфрата [2]. Не спадающее эфиопско-египетское напряжение также главным образом связано с дефицитом воды в Ниле, который, согласно Каиру, Аддис-Абеба создает без учета жизненно важных интересов своего северного соседа [3]. Проблема Голанских высот, некогда ставших яблоком раздора между Израилем и Сирией, преимущественно возникла из-за стремления Тель-Авива установить контроль над пресноводными источниками этого горного массива [4].

И если приведенные выше примеры имеют историю протяженностью в десятилетия, а в некоторых случаях – и столетия (эфиопско-египетское противостояние), то водный кризис уже проявляет признаки будущей конфликтности в географически менее масштабных регионах, где в недалеком прошлом подобных острых споров не наблюдалось либо они решались с учетом прежних геополитических реалий. Так, проблема водных споров между советскими республиками Средней Азии решалась на основе внутреннего законодательства СССР и при арбитраже Москвы, но после обретения суверенитета этим странам приходится самостоятельно искать формулы «водного компромисса». С учетом же роста водного дефицита в Центральной Азии делать это становится все сложнее, и если регуляция *«справедливого распределения»* региональных водных ресурсов [5] не обеспечит требуемой эффективности, проблема чревата трансформацией в глубокий политический кризис в указанном регионе. В преддверии опасных конфликтов в Центральной Азии эксперты уже сигнализируют об экстренной необходимости проработки и подписания региональной водной конвенции, поскольку, по их мнению, профильные документы ООН и Хельсинкская конвенция не обеспечивают здесь равноправного пользования пресноводными запасами [6]. На этом фоне в центральноазиатских столицах также все чаще звучат призывы к России воплотить в жизнь рассматриваемый еще во времена СССР план по перенаправлению в Среднюю Азию русел сибирских рек, что в Москве воспринимается как ультимативно поставленная цена за пребывание среднеазиатских республик в блоках ЕАЭС и ОДКБ [7].

Вместе с тем наблюдаются признаки кризиса отношений некоторых прикаспийских стран с РФ из-за проблемы обмеления Каспия, главной причиной которых Астана, Баку и Ашхабад считают осуществляемый россиянами *«несправедливый»* избыточный водозабор из Волги, обеспечивающей 80% притока воды в Каспийское море [8].

Усугубляющийся водный кризис уже дает о себе знать и в регионе Южного Кавказа. Грузия испытывает большие сложности в сфере гидроэнергетики и аграрного сектора в связи с наблюдающимся в последние годы снижением водопотока крупнейшей

региональной реки – Куры. Причиной этому является главным образом не климатический фон, а масштабные проекты Турции по возведению в русле этой реки каскадов ГЭС, плотин и водохранилищ. Тбилиси крайне негативно относится к политике Анкары по максимальному удовлетворению своих запросов, что истощает крупнейший водный источник Грузии, подрывает ее экономику и порождает серьезные экологические проблемы для этой южнокавказской республики [9]. По некоторым данным, политикой водного давления Турции также крайне недовольны в Азербайджане, где обмеление Куры достигло катастрофического уровня, угрожая жизнедеятельности страны и уничтожением всей ее экосистемы [10]. Однако, исходя из конъюнктуры турецко-азербайджанского союзничества и «братских» отношений, Баку предпочитает на официальном и публичном уровне не выдвигать претензий Анкаре.

Турция в вопросах своего водного обеспечения предпочитает не учитывать интересы соседних стран, пренебрегает международным конвенциональным правом и считает своей исключительной привилегией распоряжаться истоками трансграничных рек, берущих начало на Армянском (Восточно-Анатолийском) нагорье. Ситуация с Курой в точности напоминает обстоятельства водного истощения Тигра и Евфрата, что создало экзистенциальные проблемы для Сирии и Ирака. До декабря 2024 года Дамаск постоянно выдвигал Анкаре предложения по взаимоприемлемому нормированию водозабора из Евфрата, однако эти требования не только оставались без ответа – Турция каждый год лишь наращивала эксплуатацию реки. После свержения «режима Асадов» лояльное Анкаре временное правительство в Дамаске прекратило давление на турецкие власти. Однако следует ожидать, что со временем эта проблема вновь актуализируется, поскольку вопрос целостности Сирийской Арабской Республики (САР), в том числе, во многом зависит и от ресурсной базы крупнейшей водной артерии Ближневосточного региона – Евфрата.

Что касается Ирака, то Анкара декларировала, что готова пересмотреть свою водную политику и смягчить для Багдада последствия снижения уровня стоков в Евфрате и Тигре. Это следует считать одной из уступок, сделанных Турцией Ираку в обмен на выработку общей позиции и действий в отношении «курдского сепаратизма» в регионе, а также на согласие Багдада участвовать в инициированном Анкарой проекте торгово-энергетического маршрута «Дорога развития», который должен связать Персидский залив с Турцией через иракскую территорию. Комплекс всех этих соглашений был подписан Реджепом Эрдоганом с иракскими властями в ходе его визита в Багдад 22.04.2024 года [11]. По итогам переговоров относительно водной повестки турецкий лидер заявил СМИ, что Анкара, несмотря на нехватку собственных водных ресурсов, пойдет навстречу Багдаду и разработает с ним план совместной оптимальной эксплуатации потоков Тигра и Евфрата [12], которые обеспечивают, по разным подсчетам, от 70 до 98% потребления пресной воды в этой арабской республике. 02.11.2025 года Турция и Ирак уже подписали соглашение о том, что проекты водной инфраструктуры на иракском отрезке русла Евфрата и Тигра (плотины, водохранилища и ирригационные каналы) будут осуществляться при участии турецких строительных компаний и финансироваться за счет продажи той же Турции иракской нефти [13].

Тем самым водный кризис в этой арабской республике способствовал обретению Турцией существенного инструмента воздействия на Ирак в экономической,

экологической, демографической и политической сферах его жизнедеятельности. По мнению экспертов, даже если инициированному Анкарой торгово-энергетическому проекту «Дорога развития» не суждено будет воплотиться в реальность, Багдад за неимением альтернативы будет вынужден оставить в действии договоренности по воде на турецких условиях, что непременно отразится и на других повестках межгосударственных отношений.

Тем не менее Турции и Ираку ценой сложного сочетания многоплановых интересов до настоящего момента удастся избежать «водного конфликта», чего нельзя сказать об Эфиопии и Египте.

С начала осени 2024 г. обе эти страны стоят на пороге полномасштабной войны из-за сложной геополитической ситуации на Африканском роге, а также по причине мегаплотины «Возрождение» на Голубом Ниле, которую Аддис-Абеба строит невзирая на то, что Судан и Египет окажутся под угрозой лишения значительной части стока этой трансграничной реки [14]. ООН и заинтересованным глобальным центрам в мире ценой тяжелых дипломатических усилий пока удается удерживать стороны от начала боевых действий. Однако, вместе с тем, Каиру и Аддис-Абебе по-прежнему не предложено взаимоприемлемого решения проблемы. Эфиопия не собирается отказываться от плотины и ГЭС, эксплуатация которых сулит стране беспрецедентный экономический рывок, тогда как для Египта этот проект чреват экологической, энергетической и продовольственной катастрофой, усугубляя и без того шаткую внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране. Если не будет найден компромиссный выход из этого тупика, то полномасштабная война на северо-востоке Африканского континента станет неизбежной.

В отличие от эфиопско-египетской, пока что сдерживаемой эскалации, боевые действия между Пакистаном и Индией из-за водного спора развернулись практически немедленно. Формально апрельско-майская война между ними вспыхнула после террористического акта в местечке Пахалгам индийского штата Джамму и Кашмир, жертвами которого стали 27 туристов [15]. Однако спорадические перестрелки на индо-пакистанской границе переросли в полномасштабные боевые действия с применением авиации, танков и дальноточной артиллерии именно после того, как правительство в Нью-Дели распорядилось отвести потоки воды в верховьях Инда на индийскую территорию, поставив Пакистан перед угрозой масштабной засухи [16]. Пакистанские власти, со своей стороны, дали понять, что попытки Нью-Дели использовать «водный фактор» как рычаг давления угрожают выживанию пакистанского государства и его населения. В этих экзистенциальных условиях Исламабад может применить все доступные средства защиты жизненно важных интересов, включая использование ядерного оружия [17]. В мае, при активном посредничестве США, индо-пакистанскую войну удалось остановить, однако проблема использования воды в верховьях Инда остается крайне острой. Это означает, что стороны либо должны в экстренном порядке прийти к «водному компромиссу», гарантирующему возможность пользования истоками Инда сотням миллионов людей по обе стороны границы, либо – по прогнозам специалистов – военный сценарий, включая использование ядерной компоненты, может привести к человеческим потерям, сопоставимым с совокупной численностью населения двух стран.

Между тем «водный конфликт» Индии назревает не только с Пакистаном. В конце лета текущего года стало известно, что Китай планирует строительство в Тибете, в

верховьях реки Брахмапутра (китайское название – Ярлунг Цангпо), крупнейшего в мире гидроузла с проектной стоимостью в \$170 миллиардов, что грозит сократить объем поступающих на индийскую территорию вод Брахмапутры примерно на 25%. В ответ на эти планы Пекина Нью-Дели анонсировал строительство собственной, самой высокой в мире, дамбы на Брахмапутре, которая позволит частично компенсировать последствия китайской инициативы, снижая потерю водных ресурсов примерно на 11% [18]. Спор за ресурсы Брахмапутры стремительно обостряется, превращаясь в еще одну важную компоненту индийско-китайского глобального соперничества, генерирующего рост конфликтности в Восточной Азии.

Как показывает даже поверхностный обзор «водной повестки» в отношениях стран Магриба, Ближнего Востока, Центральной, Восточной и Южной Азии, конкуренция за самый главный жизненный ресурс стремительно меняет облик обширных регионов Африки и Евразии, конструируя новые геополитические расклады и провоцируя конфликтность. По оценкам специалистов, ежегодно мировое потребление пресной воды увеличивается в среднем на 1%, и именно упомянутые регионы обеспечивают основную часть этого роста.

Примечательно, что наблюдаемый острый водный дефицит не только вносит коррективы в межгосударственные отношения – в некоторых случаях провоцируя ожесточенные войны либо ставя одни страны в фактически кабальную зависимость от других, – но и стимулирует фундаментальную переформатизацию административных и социально-экономических систем отдельных международных субъектов.

К примеру, перед необходимостью подобных преобразований стоит сейчас Иран, осознающий, что промедление подобных реформ грозит ему внутривосточным хаосом и дальнейшим неминуемым распадом государства. Речь идет главным образом о необходимости переноса иранской столицы, которая в условиях засухи последних лет лишена необходимых объемов воды [19].

Наблюдаемые за последние два десятилетия климатические изменения на северо-западе, востоке и в центральных регионах Ирана указывали на то, что страна вскоре столкнется с критическим дефицитом воды. Тем не менее власти этой страны не спешили реформировать устаревшую систему водоснабжения, внедрять новые технологические методы аккумулирования этого стратегического ресурса и оптимально распределять воду для нужд населения, сельского хозяйства и промышленности. Политическое руководство страны было главным образом сосредоточено на построении т. н. «*Шиитской оси*» в регионе, противостоянии с Израилем и его союзниками, а также на развитии собственной «ядерной программы», перераспределяя весь свой научно-технологический потенциал и значительную часть бюджетных средств в пользу этих приоритетов. В вопросах пользования водными ресурсами Иран до недавнего времени прибегал в основном к применяемым еще со времен Ахеменидского царства традиционным методам извлечения воды из подземных недр и ее распределения населению посредством сети многокилометровых искусственных тоннелей – так называемых *кяризов*. Однако бесконтрольная и слабо регламентированная государством эксплуатация подземных источников, вызванная резким увеличением сельскохозяйственных площадей в пустынных регионах и стремительным ростом населения, привела к истощению водных

недр. С другой стороны, их естественное восстановление стало невозможным из-за глобальных климатических изменений на Иранском нагорье, где ежегодно фиксируется неуклонное снижение сезонных осадков. Наиболее наглядным индикатором катастрофической засухи в Иране стало полное исчезновение соленого озера Урмия вследствие высыхания впадающих в него десятков горных рек [20].

Лишь когда засуха в стране достигла критической отметки, став угрозой ее безопасности, иранские власти пытаются посредством научно-технологических новшеств создать условия для искусственной генерации осадков в наиболее пострадавших регионах [21]. Одновременно правительство приступило к реализации проектов по созданию озоновых реакторов для очистки непригодных для использования загрязненных вод на наноуровне [22], а также ускоренными темпами развивает строительство мощных опреснительных станций на побережье Каспия и Персидского залива [23].

Помимо прочего, руководство ИРИ всерьез рассматривает план переноса столицы государства из Тегерана в провинцию Систан и Белуджистан на побережье Индийского океана. Обсуждения на эту тему велись в иранских политических кругах давно, однако сразу же после избрания в 2024 г. новый президент ИРИ Масуд Пезешкиан придал им новый импульс. Несмотря на сопротивление консервативных кругов, Пезешкиан в ноябре 2025 г. вновь публично напомнил о необходимости «эвакуации» столицы, объяснив свою позицию катастрофической нехваткой воды в мегаполисе [24]. Изначально инициатива по переносу столицы была связана не только с засухой в северных регионах страны, но и с внешними геостратегическими и военно-политическими вызовами. По оценкам ряда иранских экспертов и политиков, Тегеран расположен в уязвимой для внешних военных ударов зоне и удален от главных производственных центров страны и трансграничных маршрутов, пролегающих через иранскую территорию. Однако сегодня именно вопрос «водной безопасности» столицы может стать определяющим фактором в дискуссиях иранского властного истеблишмента относительно целесообразности смены политического центра страны. Исламская Республика, вероятно, все же будет вынуждена пойти на такой шаг, несмотря на колоссальные финансовые затраты и продолжающееся фактическое состояние войны с Израилем и его западными союзниками. Это лишь подчеркивает исключительную значимость водной повестки для иранской государственности и демонстрирует, как дефицит воды влияет на перестройку всей системы страны, включая политико-административные, экономические и научно-технологические преобразования.

Иран в значительной мере опоздал со своими реформами в сфере водной политики, из-за чего оказался в крайне уязвимом положении. Согласно экспертным прогнозам, в самом ближайшем будущем целый ряд стран азиатского региона и Африки (Сирия, Пакистан, Афганистан, Египет и другие) окажется в аналогичной ситуации из-за отсутствия государственного планирования эксплуатации водных ресурсов, низкой эффективности их администрирования и полной концентрации на проблемах военно-политической безопасности, без должного учета экологических и климатических вызовов. В то же время такие государства, как Китай, Индия, Эфиопия, Ирак и ряд других, уже сейчас стараются форсированно решать вопросы усугубляющегося водного кризиса, планируя на десятилетия вперед свою водную политику, внедряя сверхсовременные методы очистки загрязненных и соленых вод, инвестируя в

гидроинженерию, экологию и высокоэффективные аграрные технологии. Эти инициативы крайне важны для их безопасности, поскольку позволяют существенно снизить водную зависимость от глобальной климатической деградации и соседних стран, систематически нарушающих конвенционные лимиты водозабора из трансграничных водоемов. Вместе с тем, подобные меры не только не сокращают рост потенциальной конфликтности в регионе, но и в определенных случаях даже способствуют ее прогрессии. Вода остается нестатичным стратегическим ресурсом, трудно поддающимся четкому разграничению и распределению в соответствии с политической картой, а значит, конкуренция за нее будет лишь нарастать, особенно в регионах, где ее природные запасы резко ограничены либо истощены.

Естественно, проблемы водной безопасности и связанной с водным дефицитом агрессивности стран региона не могут не затронуть Армению. Республика Армения по региональным меркам обладает значительными запасами пресной воды, генерируемыми природными циклами ее высокогорных районов, а также частично поступающими на ее территорию водотоками трансграничной реки Аракс. Наиболее важным природным хранилищем воды в Армении является Севанское озеро – крупнейший пресноводный водоем не только на Южном Кавказе, но и во всем регионе Ближнего Востока. Севан резервирует в среднем до 60 миллиардов кубических метров воды, что позволяет Армении даже в наиболее засушливые периоды путем искусственного водозабора предотвращать коллапс в сельскохозяйственном секторе страны и поддерживать экосистему наиболее плотно населенного региона республики – Араратской долины.

Однако, по оценкам специалистов, за период своей независимости Армения так и не смогла разработать политику рационального администрирования и использования своих водных ресурсов, что поставило ее в зону риска среди государств Европы, испытывающих дефицит воды [25]. В стране до сих пор не решены вопросы модернизации старых и изношенных систем гидроинфраструктуры, строительства накопительных водоемов и очистительных станций, рационального хозяйствования и лимитирования поливной и питьевой воды [26]. В общем же итоге культура использования воды государством и частным сектором здесь находится на предельно низком уровне. С учетом этой данности складывается парадоксальная ситуация, при которой обладающая, в силу своего географического положения, достаточными водными ресурсами страна испытывает дефицит в плане их потребления. Это делает республику крайне уязвимой не только с точки зрения подрыва ее благополучия и развития, но и в контексте ее геополитической безопасности, поставленной под вопрос соседями, открыто демонстрирующими свое стремление, помимо прочего, стать бенефициарами водных ресурсов РА.

У Армении нет существенных разногласий с Грузией и Ираном относительно водозабора из трансграничных рек и водной повестки в целом. Более того, эти два соседних Армении государства изъявляют готовность к конструктивному сотрудничеству и обмену опытом в сфере водного хозяйствования [27], а также изучают возможность строительства гидроэнергетических узлов с перспективой обоюдного потребления производимой электроэнергии и излишков водного скопления в водохранилищах [28]. Иначе обстоит дело с Турцией и Азербайджаном, с которыми у Армении есть более протяженная сухопутная граница и, соответственно, более обширное поле для соприкосновения в области

пользования трансграничными водными источниками. Армяно-турецкая граница практически целиком пролегает по руслу рек Ахурыан (исток на территории Армении) и Аракс (исток на территории Турции), тогда как в случае с Азербайджаном водная повестка формируется за счет стока армянских горных рек (Агстев, Арпа и т. д.) непосредственно на азербайджанскую территорию либо в русло приграничной реки Аракс, которая соединяется с Курой вблизи Каспийского побережья Азербайджана.

Что касается Турции, то за последние два десятилетия она уже ведет политику водного давления в отношении Армении, в нарушение международных конвенциональных норм осуществляя нелимитированный водозабор из реки Аракс. Речь идет главным образом о каскаде уже выстроенных и продолжающих строиться крупных водохранилищ, плотин и ГЭС в верховьях Аракса, резко сокративших сток водных объемов этой реки, что угрожает деградацией экосистеме Араратской долины в Армении и наносит непоправимый удар по сельскохозяйственному сектору республики [29]. В этом плане политика Анкары в сфере эксплуатации на своей территории арацких вод практически полностью идентична ее курсу на максимальное присвоение ресурсов рек Евфрат, Тигр и Кура без учета жизненно важных интересов Сирии, Ирака, Грузии, Армении и даже Азербайджана. Однако эта проблема была бы не столь болезненной для Армении, если бы Турция не выдвигала требование к нынешним властям в Ереване об обязательном согласовании любых планов по строительству гидроинфраструктуры на суверенной армянской территории, даже если эти проекты не нарушают конвенционально установленных лимитов на воду из приграничного Аракса [30]. Очевидно, что такое обязательство было навязано Еревану в ходе серии переговоров представителей двух правительств *«по нормализации отношений и вопросу открытия границ»* [31]. Так или иначе, предполагаемое наличие таких обязательств в совокупности с противоречащей конвенциональным нормам политикой Анкары по нещадной эксплуатации водных ресурсов трансграничных рек Ахурыан и Аракс свидетельствуют о вмешательстве Турции в проблемы водной безопасности Армении и политическом давлении на армянские власти.

В случае с Азербайджаном политика водного давления в отношении Армении пока реализуется преимущественно в риторической и пропагандистской плоскостях, однако уже есть все основания полагать, что в ближайшем будущем Баку нацелен на практические шаги в данной сфере. С этой целью азербайджанские власти последние несколько лет последовательно выстраивают пропагандистский и псевдоправовой базис.

Речь идет об обширной кампании на международной арене и в СМИ, призванной *«разоблачить»* Армению якобы в преднамеренном загрязнении рек, стекающих в Азербайджан, а также в искусственном иссушении их русел. Эта кампания достигла своего пика в дни проведения в Баку 29-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP 29) [32]. В рамках этого мероприятия Азербайджан обозначил свои намерения добиваться от международного сообщества мер по пересмотру и корректировке конвенциональных норм с целью установления *«справедливых условий пользования»* ресурсами трансграничных рек и других водоемов, в соответствии с фундаментальным правом каждого человека на доступ к чистой воде [33].

В связи с этим следует вспомнить о предшествовавшей силовому захвату и ликвидации Нагорно-Карабахской Республики обширной политико-пропагандистской

кампании Баку, направленной на обвинение арцахских армян в «водном терроре» против Азербайджана и его населения. Венцом этих усилий Баку стала принятая в январе 2016 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) «*резолуция по докладу о Сарсангском водохранилище*», которая из-за ангажированности многих евродепутатов и чиновников создала платформу для легитимизации готовящейся военной агрессии Азербайджана против Нагорно-Карабахской Республики [34]. Тогда Баку успешно использовал «водный вопрос» в своей игре, подменив историко-правовую и политическую компоненты Карабахского вопроса «гуманитарной проблемой», якобы дающей ему право, вопреки резолюциям ООН о неприменении силы, инициировать захват Арцаха. Подобный почерк действий наблюдается и сейчас. И хотя речь в данном случае идет о международно признанной суверенной территории Армении, откуда начинается сток рек в Азербайджан, Баку будет стремиться, опираясь на конвенциональное гуманитарное право о доступе к чистой воде, легитимизировать свои претензии к Армении, в том числе территориальные.

Параллельно подготовке гуманитарно-правовой базы для легитимизации более обширного пользования и контроля над армянскими водными ресурсами Баку также активно ведет работу по научно-историческому «обоснованию» своих территориальных и водных претензий к Армении. 03.11.2025, выступая на мероприятии, посвященном восьмидесятилетию создания Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), президент Ильхам Алиев заявил, что на исторических картах времен царской России «*нет озера Севан, есть озеро Гейча*». Несмотря на декларированный процесс мирного разрешения многолетнего армяно-азербайджанского конфликта, лидер прикаспийской республики в очередной раз выдвинул территориальные претензии к Армении, которая, по его утверждению, якобы расположена на исторических азербайджанских землях [35]. Следует отметить, что выбор азербайджанским лидером в качестве топонимического примера не района, города или горной гряды, а именно крупного водоема вряд ли был случайным: таким образом он акцентировал внимание на водном ресурсе, суверенным обладателем которого, по его мнению, несправедливо является Армения.

Озеро Севан не является трансграничным водоемом, и поэтому Азербайджан не может прямо заявить о каких-либо правах на его пользование, опираясь на действующие нормативы международного водного права. Однако можно предположить, что Баку уже сейчас рассматривает несколько вариантов получения своего практического доступа к севанским ресурсам. Один из них – это попытка оккупации озера и территорий вокруг него либо захват части его побережья в направлении Карвачар (Кельбаджар)–Варденис. В этой связи стремление Баку, во-первых, заселить Варденисский регион азербайджанцами, якобы «*насильно изгнанными армянами из Басаргечара в конце 1980-ых гг.*», и, во-вторых, закрепить в сознании международного сообщества «*историческое право*» Азербайджана на регион и водоем, может рассматриваться как подготовительный этап. Эти действия должны, если не легитимизировать оккупацию, то значительно смягчить ее политико-правовые последствия для Баку. Другим не менее вероятным вариантом действий может стать требование Азербайджана о получении права на водозабор из Севанского водоема без прямых притязаний на суверенитет и территориальную целостность Армении. В случае

выбора этого варианта Баку будет и далее продвигать на международной арене нарратив о загрязнении азербайджанских территорий стоком армянских рек, а также о якобы намеренном отводе армянской стороной чистой воды из рек, впадающих в Азербайджан. Баку может попытаться сослаться на то обстоятельство, что Азербайджан уже «природным», естественным образом обладает правом пользования Севанским водоемом, поскольку вытекающая из озера река Раздан впадает в реку Аракс, русло которой, в свою очередь, направляется вглубь азербайджанской территории, где соединяется с Курой. Следовательно, можно предположить, что Баку будет требовать от Еревана, в счет компенсации «загрязнения» Арменией разданских и аракских вод, права отвода «своей природной доли» ресурсов непосредственно из Севанского водоема в направлении Карвачарского (Кельбаджарского) района. Вероятно, именно с этой целью Азербайджан заведомо продвигает на международной арене и в профильных наднациональных структурах тезис о том, что он является жертвой «экологического и водного террора» Армении, которая якобы лишает восточного соседа полагающихся ему по «природному» и международному праву пресноводных ресурсов.

Кроме того, можно ожидать, что Баку вынесет на повестку и вопрос рек Арпа и Воротан, естественные русла которых пролегают из Армении в направлении Азербайджана. Полноценная эксплуатация гидроузла Воротан–Арпа–Севан, который начал строиться еще с 1960-х, может еще более сократить естественные объемы водного стока этих рек на азербайджанскую территорию за счет их перенаправления в Севанский водоем [36]. Очевидно, что Баку не устраивает такое положение дел. И поэтому неудивительно, что в ходе военных кампаний 2020, 2021 и 2022 годов Азербайджан осуществил захват именно тех приграничных горных районов, где расположены истоки наиболее значимых трансграничных рек, включая Арпу и Воротан [37].

Весь комплекс предпринятых Азербайджаном силовых, пропагандистских и административных мер может указывать на то, что Баку готовит платформу для выдвижения в ближайшем будущем Армении претензий в сфере пользования региональными водными ресурсами. Захват и деарменизация Нагорного Карабаха уже позволили Азербайджану достичь определенных успехов в освоении водных ресурсов древнего армянского края [38]. Однако с каждым годом климатическая и экологическая деградация региона все больше усугубляется, создавая особую угрозу именно Азербайджану. В этих условиях ожидаемо, что водный вопрос в числе прочего станет одним из ключевых мотивов продолжающихся экспансионистских устремлений Баку, а также Анкары, в отношении Армении.

С учетом изложенного, вопрос о готовности Республики Армения к сложной борьбе за свои водные ресурсы остается открытым. На основании доступной публичной информации трудно определить, достаточны ли осуществляемые работы по модернизации и строительству новой гидроинфраструктуры республики (плотины, дамбы, водохранилища, каналы) с учетом всего комплекса проблем соперничества за этот бесценный ресурс; ведется ли полноценное прогнозирование климатических и экологических процессов в регионе; проводятся ли необходимые гидрогеологические исследования для выявления новых подземных водных резервов; готовится ли план по необходимому учету «водной проблематики» в оборонной доктрине страны; разрабатывается ли правовой и

политический базис для отстаивания своих экзистенциальных интересов в ожидаемых ожесточенных спорах с соседями за воду. Однозначного ответа на вопрос о том, насколько сейчас Армения осознает и готова решать вопросы своей «водной безопасности», дать нельзя. Между тем события в окружающем Армению обширном геополитическом пространстве показывают, что игнорирование этой повестки может иметь катастрофические последствия для армянской государственности, вплоть до ее превращения в водно-ресурсный придаток усиливающихся региональных центров.

Ссылки

- [1] О. Бояркина, «Индо-пакистанские противоречия в бассейне реки Инд: проблемы и перспективы урегулирования». *КиберЛенинка*, 2017, <https://cyberleninka.ru/article/n/indo-pakistanskie-protivorechiya-v-bassejne-reki-ind-problemy-i-perspektivy-uregulirovaniya/viewer> (дата обращения: 26.11.2025).
- [2] О. Хлопов, «Проблема водных ресурсов в отношениях между Турцией, Сирией и Ираком». *КиберЛенинка*, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vodnyh-resursov-v-otnosheniyah-mezhdu-turtsiye-siriy-i-irakom/viewer> (дата обращения: 26.11.2025).
- [3] «Спор Египта и Эфиопии за воду Нила угрожает всей Европе». *Российская газета*, 16.06.2020, <https://rg.ru/2020/06/16/spor-egipta-i-efiopii-za-vodu-nila-ugrozaet-vsej-evrope.html> (дата обращения: 26.11.2025).
- [4] И. Сало, «Что такое Голанские высоты и почему они важны Израилю и Сирии». *РБК*, 18.09.2025, <https://www.rbc.ru/base/18/09/2025/68c94dfe9a7947a02da322fe#toc-a322fe-1> (дата обращения: 26.11.2025).
- [5] «Казахстан призывает страны Центральной Азии справедливо распределять воду». *24KG*, 19.08.2025, https://24.kg/ekonomika/340098_kazahstan_prizyivaet_stranyi_tsentralnoy_azii_spravedlivo_raspredelyat_vodu/ (дата обращения: 26.11.2025).
- [6] «Вода, которой не хватает справедливости»: почему Центральной Азии нужна собственная конвенция по водным ресурсам». *Eurasia Today*, 25.11.2025, <https://eurasiatoday.ru/voda-kotoroj-ne-hvataet-spravedlivosti-pochemu-tsentralnoj-azii-nuzhna-sobstvennaya-konventsia-po-vodnym-resursam/> (дата обращения: 26.11.2025).
- [7] «России предъявили ультиматум из Ташкента. Что стоит за угрозами?». *Рамблер*, 18.11.2025, <https://runews24.ru/articles/18/11/2025/davajte-vodu-ili-myi-vse-pereedem-k-vam-rossii-predyavili-ultimatum-iz-tashkenta-cto-stoit-za-ugrozami> (дата обращения: 26.11.2025).
- [8] «Волга как фактор падения уровня Каспийского моря: Россия должна ответить на призывы Казахстана». *Ara.az*, 23.05.2025, <https://ru.apa.az/ekonomicheskaya/volga-kak-faktor-padeniya-urovnya-kaspiiskogo-morya-rossiya-dolzna-otvetit-na-prizvyvy-kazaxstana-analitika-611322> (дата обращения: 26.11.2025).
- [9] В. Головин, «Грузия опасается потерять... Куру». *Russian Bazaar*, <http://russian-bazaar.com/ru/content/73331.htm> (дата обращения: 26.11.2025).
- [10] «В Азербайджане Кура высыхает. Жители покидают свои дома...». *Haqqin.az*, 11.03.2023, <https://haqqin.az/news/277239> (дата обращения: 26.11.2025).
- [11] «Эрдоган впервые за двенадцать лет прибыл с визитом в Ирак». *Интерфакс*, 22.04.2024, <https://www.interfax.ru/world/957135> (дата обращения: 26.11.2025).
- [12] «Эрдоган заявил, что Турция проведет конструктивный диалог с Ираком на тему водных ресурсов». *ТАСС*, 23.04.2024, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20624963> (дата обращения: 26.11.2025).
- [13] «Ирак и Турция подписали соглашение по проектам водной инфраструктуры». *NEWS.am*, 02.11.2025, <https://news.am/rus/news/913086.html> (дата обращения: 26.11.2025).

- [14] «Египет и Эфиопия готовятся к вооруженному конфликту». *Российская газета*, 05.09.2024, <https://rg.ru/2024/09/05/pole-boia-somali.html> (дата обращения: 26.11.2025).
- [15] «СМИ: Террористы расстреляли 27 туристов в Индии». *Парламентская газета*, 22.04.2025, <https://www.pnp.ru/in-world/smi-terroristy-rasstrelyali-27-turistov-v-indii.html> (дата обращения: 26.11.2025).
- [16] «Пакистан ответит на попытку Индии отвести поток воды реки Инд». *РИА НОВОСТИ*, 24.04.2025, <https://ria.ru/20250424/pakistan-2013206178.html> (дата обращения: 26.11.2025).
- [17] «Когда капля важнее ракеты: может ли начаться ядерная война из-за воды». *РЕН ТВ*, 06.06.2025, <https://ren.tv/longread/1337828-kogda-kaplia-vazhnee-rakety-mozhet-li-nachatsia-iadernaia-voina-iz-za-vody> (дата обращения: 26.11.2025).
- [18] «Поворот крана в Китае – и Индия остается без воды». *Независимая газета*, 25.08.2025, https://www.ng.ru/world/2025-08-25/1_9323_china.html (дата обращения: 27.11.2025).
- [19] П. Гобади, «В Иране беспрецедентная засуха, Тегерану грозит эвакуация». *BBC NEWS*, 10.11.2025, <https://www.bbc.com/russian/articles/cwy522lq07wo> (дата обращения: 27.11.2025).
- [20] «В Иране полностью высохло крупнейшее соленое озеро Азии». *Forbes*, 25.09.2025, <https://forbes.kz/articles/v-irane-polnostyu-vysohlo-krupneyshee-solyonoe-ozero-azii-d9168c> (дата обращения: 27.11.2025).
- [21] «Власти Ирана начали засев облаков, чтобы искусственно вызвать дождь в условиях засухи». *BBC NEWS*, 16.11.2025, <https://www.bbc.com/russian/articles/cly93d1n48do> (дата обращения: 27.11.2025).
- [22] «В Иране построили крупнейшую в мире установку для очистки питьевой воды». *Naked Science*, 07.02.2024, <https://naked-science.ru/community/927862> (дата обращения: 27.11.2025).
- [23] «В Иране планируют опреснять воду из Персидского залива». *Вестник Кавказа*, 15.11.2025, <https://vestikavkaza.ru/news/v-irane-planiruut-opresnat-vodu-iz-persidskogo-zaliva.html> (дата обращения: 27.11.2025).
- [24] «Пезешкиан вновь предложил перенести столицу из Тегерана». *ТАСС*, 21.11.2025, <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2568801> (дата обращения: 27.11.2025).
- [25] «Армения оказалась в зоне риска государств, испытывающих дефицит воды – исследование ЕОЗ». *Arminfo*, 29.08.2023, https://arminfo.info/full_news.php?id=78337 (дата обращения: 28.11.2025).
- [26] «Кнарик Оганесян: водная политика Армении оставляет желать лучшего». *Arminfo*, 06.06.2024, https://arminfo.info/full_news.php?id=84261 (дата обращения: 28.11.2025).
- [27] «Грузия заинтересована в опыте Армении по части управления водными ресурсами и строительства – министр Худатян». *АРКА*, 25.11.2025, <https://arka.am/news/economy/gruziya-zainteresovana-v-opyte-armenii-po-chasti-upravleniya-vodnymi-resursami-i-stroitelstva-minist/> (дата обращения: 28.11.2025).
- [28] «Стало известно, когда Армения и Иран начнут строить ГЭС в Мегри». *Евразия. Эксперт*, 05.03.2019, <https://eurasia.expert/stalo-izvestno-kogda-armeniya-i-iran-nachnut-stroit-ges-v-megri/> (дата обращения: 28.11.2025).
- [29] Ս. Միմալիդյան, «Արարս գետի թուրքական հիդրոէլեկտրակայանը». *Orbel Center*, 27.02.2019, <https://orbeli.am/hy/post/161/2019-02-27/Arapu+qeti+thurkական+hidrohuanqulyun> (дата обращения: 28.11.2025).
- [30] «Правительство Армении согласовывает с Анкарой строительство дамбы на своей территории – на берегу реки Аракс»: Давтян». *Aysor.am*, 17.11.2025, <https://www.aysor.am/ru/>

[news/2025/11/17/%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%82%D1%8F%D0%BD/2410064](https://news.2025/11/17/%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%82%D1%8F%D0%BD/2410064) (дата обращения: 28.11.2025).

[31] «Рубинян и Кылыч подтвердили вопросы для продвижения полноценной нормализации отношений Армении и Турции». ARKA, 12.09.2025, <https://arka.am/news/politics/rubinyan-i-kylych-podtverdili-voprosy-dlya-prodvizheniya-polnotsennoy-normalizatsii-otnosheniy-armen/> (дата обращения: 28.11.2025).

[32] «Азербайджан на COP29 напомнил о загрязнении Каспийского моря Армений». Вестник Кавказа, 13.11.2024, <https://vestikavkaza.ru/news/azerbajdzan-na-cop29-napomnil-o-zagraznenii-kaspijskogo-mora-armeniej.html> (дата обращения: 28.11.2025).

[33] «Управление трансграничными водами обсудили на COP29». CBC TV Azerbaijan, 28.11.2025, <https://www.cbctv.az/news/114822/upravlenie-transgranichnymi-vodami-obsudili-na-cop29> (дата обращения: 28.11.2025).

[34] «ПАСЕ приняла резолюцию по Сарсангскому водохранилищу». Mediamax, 26.01.2016, <https://mediamax.am/ru/news/foreignpolicy/16762> (дата обращения: 28.11.2025).

[35] «Алиев: «Нет озера Севан, есть озеро Гейча». ABC media, 03.11.2025, <https://abcmedia.am/ru/politika/204859/> (дата обращения: 28.11.2025).

[36] «Уровень озера Севан в 2024 году повысился на 22 см – Армгидрометцентр». ARKA, <https://arka.am/news/economy/uroven-ozera-sevan-v-2024-godu-povysilsya-na-22-sm-armgidromettsentr/> (дата обращения: 29.11.2025).

[37] «Истоки Воротана и Арпы под контролем врага». Еркрас, 01.02.2021, <https://yerkras.org/article/179239/istoki-vorotana-i-arpay-pod-kontrolem-vraga/> (дата обращения: 29.11.2025).

[38] «Все реки текут в Азербайджан – О водных ресурсах Карабаха». Day.az, 22.04.2024, <https://news.day.az/politics/1652764.html> (дата обращения: 29.11.2025).